

М. Я. СЮЗЮМОВ

ЗАКОНОМЕРНЫЙ ПЕРЕХОД К ФЕОДАЛИЗМУ И СИНТЕЗ

1. Синтезное и «бессинтезное» развитие

Термин синтез в современной исторической литературе получил специфическое значение в определении генезиса феодализма в Западной Европе. Создалась типология процессов феодализации в различных странах применительно к количественному отношению элементов позднеримского разлагающегося рабовладельческого строя и элементов тоже разлагающегося родоплеменного общества германских народов¹. При этом подчеркивается, что синтез не имеет всеобъемлющего значения в генезисе феодализма, что имеются и бессинтезные страны.

Разумеется, синтез в развитии общественных институтов имеет важное значение для истории человечества, но может ли синтез при генезисе феодализма в Западной Европе, синтез при завоевании страны высокой культуры отсталыми народностями быть эталоном при определении закономерностей генезиса феодализма?

Теория синтеза вызывает недоуменный вопрос, не является ли она некоторым отступлением от основного в историческом процессе, когда вместо роли революционной ситуации в переходе к новой формации предлагается решать проблему генезиса феодализма механическим смешением романского с германским?

Но особенно серьезное недоумение вызывает теория о «бессинтезном» развитии стран, которые будто бы вполне самобытно перешли от родоплеменного общества прямо к феодализму². Из такой теории логически следует, что переход от родового строя к феодальному является прямым, классическим³ и что рабовладельческое античное общество есть совершенно ненужное отступление от прямого пути, извращение исторического процесса развития⁴; что рабовладельческий способ производства — незаконномерная историческая случайность, развившаяся в ничтожном меньшинстве стран. «Античный мир был своего рода феноменом, ответвлением от обычного пути развития»⁵. Тем самым отрицается вообще рабовладельческий способ производства как закономерный этап в развитии человечества.

В нашей исторической литературе иногда встречается странное недоразумение: при определении феодальной формации игнорируется по-

ложение марксизма-ленинизма о том, что феодальный строй в целом есть более прогрессивный строй, чем рабовладельческий⁶. Это позволяет видеть в любой форме зависимости (кроме рабства) начало феодального строя и потому относить истоки феодализма к самым примитивным временам (теории «протофеодализма»).

В типологии генезиса феодализма понятие синтеза применяется только к тем обществам, которые оказались под властью или сильным влиянием завоевателей, находившихся на более низком культурном уровне развития.

Когда мы имеем дело с синтезом этнического порядка, то термин синтез приобретает почти такой же характер, как в химии, т. е. народности сливаются, как вещества. В результате переселения народов получилось, таким образом, три типа территорий⁹. Первый тип относится к тем территориям, где пришельцы оставались в ничтожном меньшинстве и где их влияние на облик народности и на язык почти не чувствуется (это Византия, Испания, Италия, Португалия). Второй тип «уравновешенного» синтеза — Франкское королевство, где восторжествовал французский язык и французская народность, как смешение германского и галло-римского элементов. Те народы, которые сохранили свой суверенитет и язык, включаются в «бессинтезный» тип развития. Теория синтеза в основном дает этническую картину Европы при переходе к феодализму⁸.

Именно в этом этническо-расовом факте развития «бессинтезность» и является основой для выводов о спонтанности и самобытности для прямого перехода от родоплеменного строя к феодализму.

Поскольку уже в XVIII в. были в ходу теории прямого перенесения феодализма во Францию, то это самобытное развитие стало как бы аксиомой для теории прямого рождения феодализма «в лесах Германии» вплоть до настоящего времени. Конечно, уже нет солидных ученых, выдвигающих тезис о внедрении германцами своего феодализма в Центральную Европу, но широко распространено мнение, что в чистом виде, самобытно, генезис феодализма проходил именно у германских народов Севера⁹. Эта методологическая связь самобытного развития народности с феодализацией приводит к тому, что в настоящее время появляются теории о существовании особых народов, по своей природе — носителей феодализма, «феодальных народов», которые своей примитивный «протофеодализм» при своих передвижениях перенесли в другие районы...¹⁰

Но так как впоследствии после поселения германцев на территории Римского государства восторжествовал феодализм, то отсюда делалось заключение *ex eventu*, что основой генезиса феодализма явились те элементы феодализации, которые якобы уже существовали на последнем этапе родоплеменного общества германцев¹¹. Однако невольно появляется вопрос: почему же не пришли прямо к феодализму греки и римляне? Если считать, что они были не столь одаренными, как германцы, то такой ответ будет признанием движущей силы развития только расизма; если же ответить, что решающим в переходе к определенному способу производства является географическое положение, ландшафт,

то это будет методологическим возвращением к Монтескье, лишаящим фактически мировую историю любой периодизации.

Прямой переход от родоплеменного общества в феодальное обусловлен не одаренностью народов и не особенностью климата и природы, но, в силу асинхронности развития, социально-культурной обстановкой окружающего мира, воздействием внешней среды. В условиях отсталости отдельного народа прогрессивное влияние извне адаптируется и имеет революционизирующее воздействие для развивающейся страны.

2. Тенденции варварского германского общества к развитию рабовладельческого строя

В вопросах динамики, особенно при генезисе нового строя, решающую роль играет тенденция развития¹². В настоящее время признанной является теория А. И. Неусыхина о наличии в германском мире тенденций к феодальному строю¹³. Но так ли это? Учитывается ли в этой теории асинхронность развития германцев? Не логичнее ли полагать, что германцы проделывали с опозданием тот же путь развития, что в древности римляне времен Ромула и 12 таблиц?

В исторической науке имеется тенденция преуменьшать роль рабства у древних германцев. Примитивное «патриархальное рабство» будто бы не имело никакого значения и не определяло дальнейшего развития германских племен¹⁴. Между тем, германское «патриархальное рабство» было в юридическом отношении самым полным правом господина над жизнью и смертью раба без всякого регулирования со стороны власти¹⁵. Примитивное германское рабство вполне соответствовало потребностям примитивного хозяйства германцев... Если сравнить развитие общества древних германцев с развитием древнейших римлян, то мы найдем в основных чертах общие институты и общую динамику развития к рабовладельческому строю. «Патриархальный» характер рабства у германцев не позволял историкам даже поставить вопрос о тенденциях к рабовладельческому строю. Однако теория патриархального рабства имеет в виду только культурную и бытовую близость между господами и рабами в условиях примитивного хозяйства. У германцев в быту не могло быть особой разницы между рабом и господином (Тацит, Германия, 25). Но ведь то же было и у древнейших римлян, сохранивших эту бытовую близость (Законы 12 таблиц, VIII, 3; обрядовые пережитки во время праздника сатурналий).

В хозяйственном отношении германские рабы имели от господина предоставленное им хозяйство, с которого они должны были давать господину зерно, скот... почти как свободные римские колонаты того времени, по Тациту. Но поскольку господин имел полную власть над жизнью и смертью раба, то это был не колонат. Фактически патриархальное рабство германцев было подлинным нерегулируемым законами пекулием¹⁶.

В древнейшем Риме раб тоже мог жить самостоятельным хозяйством с уплатой определенных взносов продуктами¹⁷.

Личность раба по Законам 12 таблиц расценивается даже выше, чем в древних статьях Салической Правды¹⁸. Интересно отметить и характерную аналогию: у римлян и у древних германцев раб по происхождению считался чужеземцем. Если в рабство попадал римлянин, то его следовало продать за Тибр¹⁹! А если германец из своего племени становился рабом, то его тоже нужно было продать другому племени²⁰.

На развитие рабства работорговля оказала особое влияние. Раб превратился в товар, международную валюту для отсталых стран. Порабощение человека стало особым видом «производственной деятельности».

По мере развития частной собственности проявлялось долговое рабство как у римлян, так и позднее у германцев²¹. Но в основном источником рабства была война, которая становилась промыслом. Именно в последний период родо-племенного общества понятие рабства стало приобретать расширительный характер. Стали поработаться не только отдельные лица, но объектом порабощения стали целые народы²². При любом завоевании победитель захватывал столько пленных, сколько нужно было для собственного хозяйства и быта, а остальному покоренному населению давалось право собственного управления. Мы не можем этих завоеванных называть рабами в ограничительном определении римского права²³, но такое порабощение целых народов мы обязаны считать составным видом рабовладельческого способа производства. По В. И. Ленину, «жизнь создает такие формы, которые соединяют противоположные по своим основным чертам системы хозяйства с замечательной постепенностью»²⁴. Римская республика в самый расцвет существования рабства развивала свою культуру не столько на труде индивидуальных рабов, сколько на ведущейся в порядке внеэкономического, военного принуждения эксплуатации завоеванных провинций, и только с конца I в. до н. э. развилась тенденция к объединению римской рабовладельческой знати с провинциальной. Что же касается нападения на Римскую империю со стороны варваров, то они вызваны не желанием спасти римлян от рабства, а результатом тенденции — самим германцам стать рабовладельцами в развитом виде²⁵.

Динамику рабовладельческого строя мы можем усмотреть только в аспекте постоянного сосуществования индивидуального рабства и порабощения племен и народностей, в единстве коллективной и индивидуальной форм порабощения. В условиях рабовладельческой формации и отношениях человека к человеку во всех видах зависимости отражалась социальная психология рабства — проявление «суверенной воли» господина, отца, патрона, магистрата, а со стороны рабов — членов «фамилии», клиентов, подчиненных — требовалось проявление преданности, верности, покорности²⁶. Поэтому завоеватели территорий и племен организовывали эксплуатацию не в однотипной форме индивидуального рабства; эксплуатировать все завоеванное население выгоднее было из политических соображений, соблюдая принцип *divide et impera*, через градацию различных степеней свободы покоренных.

С такой же тенденцией «градуированной свободы» проводились и

завоевания германских племен, в особенности саксов, лангобардов и других варваров²⁷.

Как у римских завоевателей, так и у саксонцев, объединенных в военную общность, существовали подобные «ограниченно свободные»: плебеи перед патрициями у римлян и фрилинги перед этелингами у саксов, дедитиции у римлян, литы у саксов...²⁸ Именно благодаря такой дальновидной политике Риму удалось овладеть и сохранить за собой всю ойкумену, а саксам, вышедшим из ничтожной территории у берегов Северного моря, покорить всю Центральную Германию. Военное продвижение древнейшего Рима и саксов было одинаковым первоначальным переходом от военной демократии, последнего этапа родоплеменного общества, по направлению к более развитому рабовладельческому путем завоеваний и порабощений. Подобно тому, как до Сервия Туллия римские трибы были собранием воинов по родам, у германцев народные собрания фактически были военным ополчением, построенном в боевом порядке (*Volk in Waffen*), у саксов были собрания, подобные римским трибам и центуриям²⁹. Мифология у германцев развивалась соответственно греко-римской и слияние германского и античного Олимпа было вопросом времени и дальнейшего развития германского общества по рабовладельческому направлению.

Но римляне вступили на историческую сцену совсем в другой окружающей обстановке — греческая колонизация, этруски, гальштетская культура... а германцы — во времена господства греко-римской цивилизации над ойкуменой! Тенденция римлян к развитию рабовладения завершилась созданием великой рабовладельческой исторической общности; германцам же не удалось завершить развитие своей тенденции к развитому рабовладению. Им выпала историческая судьба на базе достижений *рабовладельческого общества* построить *средневековое общество* на Западе.

3. Высшая ступень рабовладельческой формации (*Rex Romana*)

«ВОЙНА ЭТО КАК БЫ БОЛЕЗНЬ, МИР — ЭТО ЗДОРОВЬЕ, ИБО В МИРНОЕ ВРЕМЯ ВЫЗДОРАВЛИВАЮТ БОЛЬНЫЕ, А ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ ПОГИБАЮТ ЗДОРОВЫЕ».

ПОЛИБИЙ.

Соединение использования индивидуального рабства и коллективно-порабощения, ловкая политика внесения принципа «градуированной свободы» различных ограничений в права собственности, вовлечение в римское гражданство наиболее влиятельных прослоек, предоставление

побежденным автономии полисов с сохранением прав социальной верхушки над местным населением, защита частной собственности, твердая власть Рима — все это заставило местную знать сначала Италии, а потом Испании, Галлии, Балкан, Малой Азии и Северной Африки не только примириться с Римским завоеванием, но потом даже восторженно приветствовать это объединение³⁰.

Римская власть подавляла любые формы внутренних волнений, знать полисов была гарантирована от возможных переворотов со стороны городских низов, рабовладельцы от возможных выступлений со стороны рабов! Кроме того, римское государство фактически создавало необходимые условия для развития широкой и относительно устойчивой экономической интеграции с глубокими связями и элементами разделения труда между отдельными экономическими районами ойкумены³¹. Подчинение Риму означало конец почти непрерывным войнам между эллинистическими государствами, полисами, племенами, принесло внутренний мир и более свободное развитие мобильности населения и рабочей силы.

Торжественно провозглашенную политику мира *Pax Romana* нельзя считать простой демагогией — достижения рабовладельческого строя нужно было стабилизировать и внутри, и во внешних отношениях. Элементы экономической интеграции охватили не только границы римской империи, но и соседние страны при соблюдении мира.

При этом греческая часть ойкумены, граничившая с более культурными народами, имела особые преимущества перед Западом. В условиях мира быстро расширялась античная цивилизация. Начался неудержимый процесс ассимиляции не только в верхушке общества, но и в широких слоях населения. В условиях возможностей вертикального социального восхождения стремящиеся включиться в состав господствующего класса лица из любых подвластных народностей стали считать себя «римлянами». Все народности, племена, входившие в состав империи, как бы исчезли. Постепенно отличие победителей и побежденных стало забываться. Началась своеобразная «интернационализация».

Рим стал «общей родиной» всех покоренных народов, которые в недрах римской общности даже могли сохранять свою народность (эллыны, сирийцы, армяне, евреи и т. д.).

Так с начала нашей эры возникла в интересах господствующего класса великая античная историческая общность. Римляне-победители поняли необходимость сплочения господствующей рабовладельческой верхушки всех племен и народов, вошедших в Римскую империю. Понятие римлянин постепенно стало распространяться на всех обитателей империи. Римская империя на основе частной собственности представляла все возможности эксплуатации населения.

Невозможно идеализировать ни одну формуацию, если она построена на эксплуатации человека человеком.

Противоречия между *cives romani* и *provinciales* стали заменяться *divites et pauperes*. Не имеющий имущества в 50 солидов делался неполноправным!³² Великая цивилизация распространялась во всем бле-

ске, за счет тяжести для основной массы трудового населения. Но достигнув своего предела, рабовладельческий способ производства не исчерпал свои возможности развития. Сама рабовладельческая знать в порядке действия закона перехода количества в новое качество, в поиске более эффективных для эксплуатации социальных институтов стала создавать такие отношения между собственниками и трудящимися, которые могли закрепиться и стать основой для нового общественного строя только в революционных потрясениях... Назревала революционная ситуация. Появлялась критика общественного строя в целом, создавалась новая идеология... И в то же время осложнялась внешнеполитическая ситуация.

4. Первый грандиозный «синтез»

Согласно положениям К. Маркса и Ф. Энгельса, стадийное развитие определенной общности зависит не только от общей закономерности прогрессивного движения истории человечества, но и от внешнего положения страны³³.

В силу асинхронного развития отдельных частей мира римская общность с ее цивилизацией оказалась по соседству с племенами, которые перешли к завершающему этапу родо-племенного общества с тенденциями к развитому рабовладельческому строю, когда у них война была основным трудом и промыслом... Появлялась серьезная опасность от племен, сильных своей постоянной мобилизационной готовностью, отсутствием организационных затрат на войну и особенной воинственностью. При этом, чем сильнее ощущалось влияние римской цивилизации на варваров в этой стадии развития, тем грознее становилась эта опасность. Господствующий класс понял опасность, особенно в условиях нарастания внутренней критики строя. Необходимо было сплотить свободное население не только в противовес рабам, но и в противопоставлении «римляне — варвары». Все шире развивалось распространение римского гражданства, и, наконец, когда варварская опасность стала особенно острой, к 212 г., по закону Каракаллы *Constitutio Antoniana* все свободные подданные империи стали считаться полноправными гражданами, когда каждый свободный «римлянин» должен был осознавать свое высокое положение перед презренными, но опасными варварами.

Для защиты создавшейся общности, сплоченной интересами господствующего класса различных народов, необходимо было организовать оборону на протяжении многих тысяч километров, иметь постоянную полумиллионную армию, отвлекать от производства массу рабочей силы, которая требовала колоссального количества продовольствия, одежды, производства оружия, строительства укреплений на всем протяжении границ, жалования³⁴, строительства и содержания берегового флота на пограничных реках... Вся тяжесть этих мероприятий в первую очередь легла на сельское население. Повинности, набор рекрутов, сбор анноны и добавочные налоги несли земледельцы. Городское население

выполняло свои повинности. Развивались казенные мастерские по производству оружия, военных материалов и орудий с закрепощенными работниками. С увеличением опасности, особенно с третьего века, стало необходимым строить крепостные стены вокруг городов³⁵. Появилось резкое отличие города от субурбия. При неослабевающей классовой эксплуатации и коррупции государственного аппарата, налоговый гнет и повинности становятся непосильными. Иногда налоги увеличивались, как писал Юстиниан, в три, четыре, даже в десять раз³⁶. Приходилось считаться с народными волнениями. Экономическая интеграция превращалась в обязательные, тяжелые и для слоев знати провинции поставки хлеба, скота, строительных материалов. Начинается стремительный упадок провинциальных городов, которые не имеют средств строить водопроводы, ремонтировать мосты. Товарное обращение, особенно на Западе, сократилось. Куриалы не могли выполнять свои обязательства. Городское самоуправление приходило в упадок. Основа «рабовладельческой собственности» подрывалась³⁷.

Принципиальная знать примерно с III в. н. э. стала выражать свое недовольство, что проявилось в поддержке частных выступлений различных локальных претендентов на императорский престол и в вооруженной борьбе различных клик провинциальной и столичной знати. Это вызывало серьезные внутренние потрясения, подрыв единства страны и вело к деинтеграции. Страшные опустошения пограничных районов варварами³⁸, которые прорывались через укрепленный лимес и иногда полностью уничтожали районы горнорудных центров,— все это дополняло картину того *взаимодействия двух асинхронных стадий развития человеческой истории*.

Ужасающими были разрушения в Византии при Аркадии, которые буквально опустошили Балканский полуостров, Элладу и Запад Малой Азии³⁹. Все это нужно было восстанавливать и организовывать защиту. Колоссальное напряжение всех возможностей требовалось от населения империи. Это именно и был *первый великий синтез*, который характерен не только для Римской, но почти одновременно и для Китайской империи... Этот синтез ускорил разложение рабовладельческого общества.

В условиях тягчайшего положения масс и невозможности для господствующего класса обеспечить свой экономический и политический статус, этот синтез облегчил наступление революционной ситуации и в то же время затруднил переход от революционной ситуации к революции.

Аграрный кризис, запустение пахотных земель, особенно в силу рекрутских наборов и налоговых тягот, несколько облегчался организацией сельскохозяйственных поселений пленных германцев⁴⁰ и пополнением армии германскими воинами.

Привлечением на службу империи германцы использовались как военная сила против других германских племен⁴¹. Наемные германцы оказали также превосходными карателями, не связанными с местным населением и потому беспощадно расправлявшимися с выступлениями народных масс.⁴²

5. Гигантский скачок назад...

«ПРЕДСТАВЛЯТЬ СЕБЕ ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ ИДУЩЕЙ ГЛАДКО И АККУРАТНО ВПЕРЕД БЕЗ ГИГАНТСКИХ ИНОГДА СКАЧКОВ НАЗАД НЕДИАЛЕКТИЧНО, НЕНАУЧНО, ТЕОРЕТИЧЕСКИ НЕВЕРНО».

В. И. ЛЕНИН.

Политика ассимиляции германцев, включения их в римскую общность, на которую надеялись римские публицисты и политики⁴³, сорвалась. Сохранить римскую общность не удалось. Началась эпоха всестороннего упадка.

Территория Римской империи при варварском завоевании как будто вернулась к своему прошлому. Если *Constitutio Antoniana* отменила основанные на праве завоевания градации свободы, то в варварских государствах снова были введены различные сословно ограниченные прослойки населения, исходя из противоречия «победители — побежденные». Если в позднеримской империи рабство стало уже уменьшаться и заменялось новыми видами отношений, то варварские завоевания повсеместно привели к усилению рабства⁴⁴: обращенные в рабство во время нашествий увеличили количество рабов.

Порабощение в результате задолженности или деликта с правом жизни и смерти над виновным в Поздней Римской империи уже не встречалось, тогда как по варварским «Правдам» виновный полностью передавался в распоряжение одержавшего верх по суду⁴⁵. Не выплатив виры, виновный мог избавить себя от смертной казни только став полностью рабом...⁴⁶

У варваров была настоящая борьба за приобретение рабов. Церковь, используя право убежища, сманивает рабов от посессоров. Землевладельцы специально организуют обманым путем браки своих рабов со свободными женщинами, чтобы потом иметь от них детей-рабов⁴⁷. Речь идет о рабах и в сельском хозяйстве. «Кто бы ни был в деревне, но если он укрывал у себя чужого раба, получал 200 палок»⁴⁸.

О развитии рабства речь идет не только в истории Вестготского королевства, но и других варварских государств — в Баварском варварском государстве масса рабов (в них нуждались), постоянная борьба за рабов, переманивание их, причем особенно от церкви, крупными посессорами или состоятельными общинниками⁴⁹. Баварская церковь использовала каноническое право в своем толковании, чтобы превратить «отчаявшегося» в положение раба. В «Правдах» отмечались факты преступной продажи свободного варвара другим варваром. Отмечаются нападения на дорогах на свободных, чтобы продать их в рабство⁵⁰.

«Скачок назад» наблюдался в самых различных направлениях. В понятии собственности на землю германцы проделали ту же эволюцию, что и римляне в древнейший период, — завоеванная собственность

по праву войны передавалась сначала во владение (ранний аллод), который потом переходил в полную частную собственность (поздний аллод).

Очень часто в германской и находящейся под ее влиянием историографии приводятся восхваления германцев в том, что они своим завоеванием избавили римлян от «ужасного социального зла» — бюрократии. Упразднение бюрократии было тоже только скачком назад! Эту бюрократию западному миру пришлось как бы сызнова организовывать, чтобы преодолеть ужасы патриархального произвола.

Серьезный скачок назад можно отметить и в организации суда. В противовес римскому праву, которое являлось крупнейшим достижением античности, вводилось такое право, которое походило на древнейший римский кодекс — Законы 12 таблиц... Как в древнем римском процессе, так и у германцев, вызов на суд был делом обвинителя и процесс был обставлен символической обрядностью. Система вир у германцев была возвращением к давно пройденной юстиции римлян. В Римской империи процесс был письменный, с вызовом свидетелей для установления истины, а германское право, подобно древнеримскому, имело дело лишь с соприязниками. Введением «божьего суда» германский суд стал на более низкий уровень, чем даже Законы 12 таблиц.

Скачок назад чувствовался во всем. Никакой мифической тацитовской «чистоты нравов» германцы не принесли с собой. Мы можем установить это по казусам из быта варваров, по их «Правдам» и у Григория Турского. Особенно пострадало культурное развитие. Римское школьное образование прекратилось в германских государствах. Традиция, которая существовала у знати в греко-римской культурной общности — давать своим детям высокую образованность, исчезла. Германская, а затем и оставшаяся римская знать старались дать своим детям — юношам чисто военно-практическое воспитание — верховой езды, поединка, охоты...

Общество «омолодилось»... Это означает, что в процессе истории человечества оно опустилось на целую стадию развития.

Начинается эпоха синтеза, когда такие римские институты, как адскрипции, распространение пекулия, прекарий, патронат, которые в юридическом оформлении приближались к потребностям будущего феодального общества, были подорваны родо-племенными и раннеабельдерельскими институтами варварских завоевателей. Синтез на Западе — не механическое соединение, но 400-летняя *борьба институтов*, которая завершилась как бы возвращением к институтам позднего Рима. (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 152).

Что же касается Византии, то можно отметить значительный культурный упадок⁵¹ в результате изменений в рабовладельческих хозяйствах и борьбы против варваров, связанной с усилением налогового гнета. Однако «гигантского скачка назад» Византия не знала. Византия в IV—VI вв. смогла отбить натиск варваров, в то время как Запад был завоеван. Процессы в Византии развивались закономерно, через революционную ситуацию и революцию.

6. Перемещение собственности

Переход к более прогрессивной формации осуществляется спонтанно при наличии революционной ситуации внутри страны. Однако превращение революционной ситуации в революцию в такой грандиозной общности, закрепленной вековыми традициями и сознанием культурного величия, как Римская империя, встречало солидные трудности. Поскольку римская историческая общность была построена в интересах единства рабовладельческого класса, среди его представителей и связанных с ними масс все виды протеста оформлялись не против существования империи, а вели или к смене личностей и клик во главе империи, или к перемещению центра этой общности, чтобы иметь в своем регионе основные выгоды от интеграции и централизации.

Самая сущность социальной революции — отмена рабовладельческого строя не была понятна ни верхушке общества, ни народным массам. Рабов имели все более или менее состоятельные прослойки общества, сановная знать, ветераны-легионеры, купечество, ремесленники и даже рабы на пекулии! А для широких масс особые лозунги в пользу рабов не могли иметь успеха: бытовое положение рабов не монолитное, бездомный бедняк — свободный обнищавший крестьянин жили гораздо хуже рабов!⁵²

К тому же, институт индивидуального рабства вовсе не был абсолютным противоречием феодальным институтам: он мог адаптироваться новыми отношениями. Самостоятельной силы в выступлениях рабы не могли уже иметь: вместо концентрации рабов в хозяйствах, на производстве в позднеримской империи наблюдалось распыление по мельчайшим хозяйствам⁵³ и перемещение основы рабства с производства к бытовым услугам у знати. Поэтому получается некоторая парадоксальность: в протестах против рабовладельческой структуры общества в революционных выступлениях масс не выдвигалась роль самих рабов, не выделялось и требование об уничтожении рабства как института⁵⁴.

Жизнь, интересы рабовладельцев вводили новые институты, оформляемые в кодексах Феодосия и Юстиниана⁵⁵. Но никаких улучшений для масс не чувствовалось; слишком силен был класс рабовладельцев и забита и подавлена масса: необходим был революционный скачок — перемещение собственности в пользу непосредственных производителей.

Византия смогла отбить нападения славян, аваров, поэтому основной процесс перехода к феодальному строю (кроме большей части Балканского полуострова) проходил в условиях преемственности государственной власти. В этом отношении в противоположность Западу *закономерно, спонтанно переход от революционной ситуации к революции совершился в Византии в виде захвата правительственной власти низами общества* в 602 г. Хотя правление Фоки и не было ознаменовано юридически оформленными конституциями и окончилось подавлением движения, но во время его власти и в последующие войны произошло грандиозное перемещение собственности⁵⁶. В дальнейшем в Византии на протяжении двух столетий мы уже не встречаем в источниках ника-

ких форм зависимости, кроме рабской, в то же время развивается роль крестьянской общины. Византия потеряла половину своих владений, но совершен был самостоятельно революционный скачок в направлении к новому обществу...

На западе положение было совершенно иное. Запад не мог дать отпора варварам, и варварское завоевание нарушило закономерное самостоятельное развитие. Вместо перемещения собственности в пользу непосредственных производителей, произошло перемещение собственности к завоевателям — знати и простым воинам. У остготов в Италии знать остготская вступила в тесный союз с местной римской, а рядовые остготы были привилегированным военным сословием. Крутое перемещение собственности в руки мелкого хозяйства произошло при завоевании Италии лангобардами. Итальянская знать («из жадности» лангобардов) была уничтожена⁵⁷, остальные стали трибутариями и были распределены между фарами завоевателей⁵⁸. Эта система привела к расширению мелкого крестьянства. Трибутом местного крестьянина имел как бы характер налога, и мелкое хозяйство северной Италии считало себя свободным собственником своего владения, которое закреплялось при Аутари от всяких насилий. Община лангобардов «фара», которая до завоеваний была коллективным владением родичей, превратилась в частную индивидуальную собственность под сильным влиянием римского права. Перемещение собственности произошло не спонтанно-революционным путем, а вследствие захвата иноземцами с естественным выделением в роли знати лангобардов. Дальнейшее развитие зависело от характера борьбы отсталых институтов, привнесенных завоевателями, с пробивавшимися в позднеримском обществе элементами нового строя и культурной преемственностью в уцелевших, хотя и варваризованных городах.

В вестготском королевстве две трети пахотной земли, половина лесов и угодий рабов перешло завоевателям. Однако и там произошел союз знати римской и готской. Потому особого *социального смысла* это перемещение собственности не имело. Ни в одном варварском государстве состояние индивидуального рабства не было так обставлено законами, как у вестготов. Вестготы приняли от римлян также элементы зарождающихся феодальных институтов. Все противоречия римского общества остались⁵⁹. Расширились народные движения и борьба знати с центральной властью. Революционная ситуация была налицо. Однако знать была сильна, революционного перемещения собственности в руки крестьянства не произошло: помешали арабы своим завоеванием.

Бургунды, поселившиеся еще при римской власти в условиях союза с римской знатью, получили земли в полную собственность, что привело к развитию среди них самостоятельного мелкого хозяйства, однако крупное перемещение собственности произошло в Бургундии позднее, во время опустошительных войн с франками, массовых конфискаций земель у знати при Гундобаде и во время завоевания Бургундии франками 532—534 гг. Мелкая частная собственность как у бургундов, так и у галло-римлян и франков сделалась основой для дальнейшего развития.

В северной и центральной Галлии до завоевания франками проявлялась революционная ситуация, однако движение багаудов не могло превратиться в политически организованную революцию с тенденцией к захвату власти. Завоевание франков внесло господство военного сословия. Получив земли по праву войны, завоеватели имели ее как индивидуальную собственность в сельской общине; в дальнейшем короли распределяли земли для освоения. Крупное перемещение собственности произошло не сразу после завоевания франками: последовал долгий период продолжения варварских опустошительных нашествий на Франкское государство. Войны династии Меровингов были заключительными проявлениями последнего периода родо-племенного общества. Отдельные меровингские короли призывали еще нетронутые событиями V в. зарейнские племена, которые производили невероятные опустошения⁶¹. Примерно между шестым и восьмым веками как в Византии, так и на Западе господствующей тенденцией стало образование свободного крестьянина, мелкого хозяйства. История пошла как будто назад к временам древней римской республики, когда в основном римляне были свободными крестьянами...⁶² Но обстановка и тенденция развития была другая и люди были другие. И результаты оказались иными⁶³.

7. Христианство

Преодоление мощи отживших устоев общества, традиций никогда не может осуществиться без идеологической борьбы. Начавшееся разложение рабовладельческого строя вызвало критику его, которая стала основой идеологии, враждебной ко всему окружающему миру, пропитанному рабовладельческими отношениями.

Широкое распространение новой идеологии всегда предшествует полной экономической и социальной победе нового строя, мобилизует массы против старого строя и подготавливает их к тем нормам быта и психике, которые необходимы для перехода к более прогрессивной формации.

Острая политическая борьба в Риме в последний век республики окончилась установлением автократической власти, которая, укрепляя рабовладельческий строй, тем не менее, оказалась отчасти самостоятельной силой, выступая против масс и задевая интересы знати. Власть императора аналогизировалась с властью богов и суверенная воля императора заслоняла и рабовладельческую собственность, и олимпийскую религию. Язычество не знало выработанных догматов веры, не было канонического права.

Язычество мистически внушало веру о помощи человеку от богов — антропоморфных сил природы. Считалось, что знать, какой бог может человеку помочь в несчастиях, так же важно, как знать, где живет булочник или плотник⁶⁴. Все, что случается, считается действием коварной Тихе или таинственной Геймармене... Язычество освещало мифоло-

гией обычаи старины и не могло стать оформлением протеста против существующего общества.

Совсем иным было первоначальное христианство. Христианство возникло в период, когда в ойкумене повсеместно стали исчезать элементы демократии. Недовольство порядками, отсутствие демократических собраний заставило людей искать суррогат демократии в мелких, интимных нелегальных общинах. Эти общины, презирующие существующий строй, но осознающие свое бессилие, не могли помышлять о политической борьбе и углублялись в религию, которая исходила от тотальной оппозиции окружающему миру. Первоначально это было только движением, борьбой за обновление людей⁶⁵. Делались попытки в общинах ввести новые отношения между людьми...

Первоначальное христианство — не столько доктрина, во что верить, сколько движение против существующих условий. Сначала в нелегальных общинах, потом в церковных приходах люди могли чувствовать себя полностью равноправными и обсуждать дела веры, обрядов, вопросы быта и морали и принимать участие в выборах священников и епископов.

Самоуглубившись в общинах, первоначальное христианство выдвигало идеалы самоусовершенствования и «спасения» в загробной жизни. Но с развитием христианства епископы стали стремиться уже не столько к обновлению человека, сколько к уточнению *содержания вероучения*, создать особую богословскую доктрину и повести борьбу за «чистоту» учения... и доктрина поглотила движение... В глазах епископата самый презренный грешник, убийца был лучше того, кто, например, отвергал учение о единосущии...

Обращая все внимание на догматы, христианство отстранялось от критики институтов общечеловечности и даже признало после становления господствующей религией божественность императорской власти, а нормы поведения, предписываемые церкви, постепенно приспособились к новым общественным институтам.

Однако подлинная сила движения проявилась в той фанатичности, с которой народные массы выступали против языческих храмов как к проявлению той жестокой эксплуатации, на которой построена была античная культура.

В отношениях с варварами христианство считало основой тоже борьбу против их язычества, но поскольку у варваров язычество и его остатки фактически представляли идеологию и быт родо-племенного общества, то в действительности христианство оказалось боевым движением в *борьбе против остатков родо-племенных пережитков*. Христианство вело эту борьбу со всем фанатизмом и политической ловкостью, завязывая связи с верхушкой варварского общества и потом путем насилия и убеждения распространяя христианский образ жизни. Христианство, внушенное народным массам, оказалось мощной материальной движущей силой при переходе от родовых институтов к более передовому строю общества. Отмирание военной демократии во всех регионах Европы всегда совпадало с принятием христианства. Эта ломка проводилась через ужасающее насилие, особенно в «бессинтезных» районах

Европы, Так, в Саксонии, не знавшей римского владычества, Карл Великий при помощи христианства, вводившего свои нормы поведения, семейного права, быта и верований, ломал общественный строй, силой вводил новые порядки и идеологию. То же мы видим даже в самых отдаленных от Римской империи районах Норвегии, где христианизация проведена самым свирепым образом королем, бывшим византийским наемником Олафом Тригвессоном и Олафом Святым путем ослеплений, групповых сожжений, конфискациями, казнями, преодолевая вооруженное сопротивление народа. Эта борьба завершилась уничтожением родо-племенных традиций родовой знати и относительным выравниванием культуры северных стран и феодальной Европы. «Бессинтезные» страны таким образом перешли от родоплеменного строя непосредственно к генезису феодализма, минуя развитую стадию рабовладельческого общества (хотя рабство было довольно широко распространено в этих странах как результат грабительских набегов). Но этот скачок северных и восточных стран Европы был далеко не самобытным, а свершился под мощным влиянием извне с привнесением образцов организации отношений между господствующим классом и непосредственными производителями, четкой идеологии и основ латинской образованности.

Христианство, признавая как основную малую моногамную семью⁶⁶, ускорило распад большесемейных отношений родо-племенного общества и римских агнатических семей. Семейное каноническое право поощряло таким образом переход к мелкому производству в малых семьях. С другой стороны, запрещая *corula carnalis* до 4—7 степеней родства, оно содействовало расширению родственных связей в общинах и вело к сближению германских и римских семейств.

Вместе с тем христианство, признавая римское право, естественно, охраняло частную собственность и в своих земельных владениях вводило все институты аграрной эксплуатации с теми элементами феодализации, которые оформлялись в законодательстве позднеримской империи.

Христианство и европейский феодализм неотделимы. Церковь вступила в германский мир как римлянка — *ecclesia vivit lege Romana*⁶⁷. Завоеватели-германцы сами превратились в завоеванных, правители христианизированных народов оказывались под властью церкви. Христианство, ставшее идеологией широких народных масс, оказалось мощной материальной силой, используя которую, церковь в течение всего средневековья могла регулировать феодальные связи.

8. Дофеодальный период

Как в Византии, так и на Западе был особый переход к феодализму, период, который можно назвать «дофеодальным»⁶⁸, поскольку основной производитель — крестьянин не был еще закрепощен и прибавочный продукт его труда шел на государственные налоги⁶⁹ и повинности, на прибыль купцу, ростовщику, на требы церкви, но не землевладельцу-

феодалу. Этот период можно назвать также раннефеодальным, хотя и *cum grano salis*, поскольку основа феодализма — предоставление земли землевладельцам за отработку⁷⁰ еще не утвердилась во время господства свободной общины. В этот период создавались лишь условия для феодализма. В Византии, где перемещение собственности от знати было более крупным, дофеодальный период продолжался вплоть до начала X в., когда развилось генеральное наступление на свободную крестьянскую общину.

На Западе «дофеодальный период» начался после перемещения земельной собственности, но в пользу завоевателей. Отсюда два следствия.

1. Необходимо было отдифференцировать военно-земледельческую верхушку, остальную же массу завоевателей превратить в бедных, послушных, трудолюбивых крестьян, способных давать солидную ренту.

2. Поскольку варварская военная знать при завоевании вступила в связь с местной знатью, она восприняла вместе с частной земельной собственностью и пробившиеся в позднеримской империи элементы феодализации. Поэтому раннефеодальные институты сохранились и адаптировались в большей степени на Западе, чем в Византии. Это содействовало ускорению оформления феодальных институтов на завоеванных германцами территориях. Этот период длился почти четыреста лет⁷¹, после чего как бы вновь полностью восторжествовали позднеримские институты, но уже в иных условиях, когда и крестьянство, и крупное землевладение были готовы к феодальному строю как установившиеся классы.

Что же касается тех стран на Севере и Востоке Европы, где не было завоевателей (хотя добычи от грабительских морских и сухопутных нападений было достаточно), там аллодиальная собственность распространялась при тенденциях к рабовладельческому строю. С принятием же христианства, соединенного с крутой ломкой родо-племенных отношений и перемещением собственности, в северных странах восторжествовал «дофеодальный период» в развитии феодальных государств.

В «дофеодальный период» свободная община давала военную силу и была опорой королевской власти против стремлений к локальной самостоятельности развивавшейся землевладельческой знати. Как в Византии при императорах Македонской династии, так и при Карле Великом проводилась политика сохранения свободной общины против процессов закабаления крестьян. Эта политика завершилась провалом. Закономерно «дофеодальный период» завершился победой крупного землевладения и институтов феодализма — иммунитетом, феодом, пронией, экскуссией. Этот процесс завершения дофеодального периода уже не имел никакого отношения к победителям и побежденным народностям и племенам: имел фикцию добровольного соглашения, представлял собой уже как бы национальное единство крестьянина с господином, что содействовало консолидации народностей в Западной Европе...

Заключение

«Дофеодалный период» называют «тёмными веками». Естественно, что при перемещении собственности были деструктивные процессы, а при победных нашествиях родо-племенных полчищ на цивилизованную страну происходили ужасающие разрушения, глубокий упадок культуры. Но, по В. И. Ленину, «каковы бы ни были разрушения культуры, ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно... В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении»⁷². И мы видим, как в процессе дальнейшей истории медленно восстанавливалась культура. Но восстанавливалась она не в порядке углубления синтеза, а только в неуклонной *борьбе* против пережитков родоплеменного общества, и в постепенной преемственности достижений античного наследия в строении нового общества.

В. И. Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, не скептическое отрицание, колебание, сомнение характерно для диалектики, которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и при том как важнейший элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития с удержанием положительного, т. е. без всякой эклектики»⁷³.

Генетически именно Византия перешла к феодализму и с элементами отрицания, и с удержанием из элементов античного наследия положительного. Но мы не можем отметить особенного наличия «синтеза» в развитии Византии. Славянские племена, наступавшие против Византии, представляли собою как бы полную аналогию германским, обрушившимся против Запада. Однако славяне, несмотря на сильное влияние византийской культуры, сохранили свои языки и народности, чего нельзя сказать ни о франках, ни о лангобардах... Германские племена до генерального натиска уже имели широкие контакты с римлянами, ряд племен уже был христианизирован (хотя по-ариански). Славянские племена этих контактов не имели, так что славянская родо-племенная верхушка не имела возможностей использовать быт и позднеримские аграрные институты, а основаны были самостоятельные государства в Иллирии и во Фракии. Только военнопленные из славян, поселенные в византийские общины-митрокомии, внесли с собою моменты родственных связей, что и укрепило общественную роль общины в истории ранней Византии... Поскольку завоевания Византии славянами не осуществилось, то при отсутствии привилегированного военного сословия завоевателей создавшиеся в позднеримской империи феодализирующие институты не могли укрепиться, как это было на Западе, и потому переход к феодальным отношениям в Византии совершился в основном вполне самобытно.

Но генезис не определяет собою темпы развития. Дальнейшая историческая внешняя ситуация определила замедленность темпов феодализации Византии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза.— СВ, т. 31, 1968, стр. 9—44; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. XIII Международный конгресс исторических наук. М., 1970; З. В. Удальцова. Генезис и типология феодализма.— СВ, т. 34, 1971, стр. 13—38.

² Напротив, в высказываниях классиков марксизма-ленинизма, как известно, рабовладение является первой формой классового общества. (Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. 21, стр. 175). По В. И. Ленину, классовое общество начинается с рабовладельческого: «Рабовладельцы и рабы— первое крупное деление на классы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70).

³ Теория самостоятельного развития феодализма у древних германцев восходит к старинному спору германистов и романистов. Так, Пауль Рот в свое время писал о «злосчастном влиянии» римских и кельтских институтов на германское самобытное развитие феодализма. Paul Roth. Feudalität und Untertanenverband. Berl., 1863, S. 32, 104.

⁴ Е. М. Штаерман. Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968, стр. 667.

⁵ Там же, стр. 650. Ср. высказывания Ф. Энгельса: «Без античного рабства не было бы и современного социализма» (Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 185).

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7; В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 76.

⁷ Н. Aubin. Zur Frage der historischen Kontinuität.— In: Kulturbruch oder Kulturkontinuität im Übergang von der Antike zum Mittelalter. Darmstadt. 1968, S. 177—178.

⁸ Против такого «этнического» подхода к проблеме синтеза выступает З. В. Удальцова. См.: К вопросу о генезисе феодализма в Византии.— Византийские очерки, вып. 2, 1971, стр. 5.

⁹ Erna Patzelt. Die Kontinuitätsfrage in: Wirtschaft und Kultur, Baden, 1938, 18—33.

¹⁰ На XIII Международном конгрессе с такой теорией выступил западногерманский медиовист Г. Хауссиг (СВ, т. 34, 1971, стр. 21).

¹¹ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства... М., 1955, стр. 8: «Феодализация выростала непосредственно из самого первобытного строя».

¹² При анализе динамики рабовладельческих стран древнего мира нужно иметь в виду не количественное и значимость рабства на данном этапе, а тенденцию развития (С. Л. Утченко и Е. М. Штаерман. О некоторых вопросах истории рабства.— ВДИ, 1960, № 4; см. также: А. И. Тюменев.— ВИ, 1957, № 5).

¹³ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному.— ВИ, 1967, № 1; Его же. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. (На материалах истории Западной Европы раннего средневековья).— В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М., 1968.

¹⁴ В противовес старой историографии, которая игнорирует вопрос о значении рабства у древних германцев (R. Schröder. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. Berl. 1898), эту проблему выдвигают А. В. Конокотин (Элементы рабства в мервингской Франции.— Уч. зап. Ивановского пед. ин-та, вып. 11, 1957) и Е. Müller-Martens. Die Genesis der Feudalgesellschaft. Berl., 1966, S. 15 ff.

¹⁵ Именно регулированием со стороны государства отличалось развитие рабство от раннего. В римском праве это отмечается таким образом: «Во всех почти племенах мы можем констатировать наличие у господина права жизни и смерти над рабом... Но в наше время ни одному человеку, живущему в нашей империи, не дозволено без причины, по определению закона, и сверх меры свирепствовать над своими рабами» (Инст. 1, 8, 1—2).

¹⁶ Пекулий существовал во все времена рабства. J. Gaudemet. Institutions de l'Antiquité. Paris, 1967, pp. 34, 122.

¹⁷ Закон 12 таблиц (XII, 12).

¹⁸ По Законам 12 таблиц (VIII, 3) за нанесенное чужому рабу увечье платили 150 ассов.

¹⁹ Gaius Institutiones IV, 21 — Aulus Gellius. Noctes Atticae, XX, 1, 45—47. Закон 12 таблиц (II, 2).

²⁰ Тацит. Германия, 24.

²¹ Положение о пехим было отменено в 326 г. до н. э. законом Lex Poetelia de nexis. Wolfgang Kunkel. Römische Rechtsgeschichte. IV., A. Weimarn. 1964. Та же тенденция превращения свободного в раба при невыплате долга, виры сохранилась и по варварским Правдам вплоть до времен каролингов (Formul. Andecav. № 3, MGForm., p. 6, см. п. 45).

²² О порабощении народов в античности см.: В. Валлон. История рабства в античном мире, гл. 2. Порабощенные народы. М., 1941, стр. 30—52; см. М. Sordi. La lege Thessala. Rom. 1958; O dediticii: T. Livius I, 38, 2; VII, 31, 3; Caesar, de bell. Gall. II, 13, 1—3. V. Bellini. Deditio in fidem. Revue d'hist. du droit français, 1964, 448—457.

²³ Inst. I, VIII, 1—2.

²⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 191; см.: С. И. Ковалев.— ГАИМК, вып. 77, 1934, стр. 150. Подобно тому, как в капиталистическом обществе все институты подводятся под систему капитализма, в феодальном обществе пережитки рабства (серваж, холопы) включаются в уровень феодальных институтов; в период же господства рабовладения все институты зависимости следует считать ступенями приближения к рабству.

²⁵ Рабство, которое мы встречаем в Бургундской Правде, в Салической Правде не было патриархальным. Оно явилось уже переходом к развитому. (Я. Д. Серовайский. Изменения аграрного строя в Бургундии.— СВ, т. 14, стр. 10; см.: Г. М. Данилова. К проблеме рабства в раннефеодальном обществе.— «Уч. зап. Карело-Финского ун-та, т. 4, вып. 1, 1954, стр. 43; А. Н. Неусыхин. Возникновение..., стр. 307 сл.).

²⁶ Трудно понять, почему считается, что «верность» — это достоинство германской, т. е. феодальной психики. Античные авторы прославляли в первую очередь верность рабов господину. См.: Е. М. Штаерман. Положение рабов в период поздней республики.— ВДИ, 1963, № 2, стр. 93; обычай и законы требовали верность клиента своему патрону.— Законы 12 таблиц (VIII, 21), вольноотпущенника бывшему господину, легионеров — своему вождю, эта общая для рабовладельческого общества черта психики была адаптирована в видоизмененном виде и в феодальное время в «личностных» отношениях вассала к сеньору, крепостного к господину.

²⁷ Градуированная свобода, по А. И. Неусыхину, состояла в том, «что различные слои (свободных) могут обладать одними и теми же правами в разной мере и степени». (Возникновение зависимого крестьянства..., стр. 201). Но это именно то, о чем говорит римское право: In servorum conditione nulla differentia est, in liberis multae differentiae sunt. Inst., I, III, 5.

²⁸ Положение фрилингов вполне соответствует историческому положению плебеев в Риме, которые получили права свободных граждан в Риме, но, тем не менее, долгое время еще оставались неполноправными. Положение же лассов соответствует статусу римских дедитивиев. Е. Мюллер-Маргенс. Der Stellingaufstand. Zfg, 1972, 7, S. 833; (triforse genere.— Widukind Res gestae Saxonika, I, 14. MGHS, t. III, p. 424, 425). Было бы совершенно гиперкритичным искать в данном точном тексте иное толкование; и положение Виттиха, его объяснение статуса фрилингов совершенно соответствует аналогии римского деления на патрициев и плебеев: Е. Wittich. Die Grundherrschaft in Nordwestdeutschland. Leipz., S. 119—191; ср.: Н. Н. Залесский. К вопросу о происхождении плебса (форкты и санаты Законов XII таблиц).— «Уч. зап. Ленинград. пед. ин-та им. Герцена», т. 68, 1948, стр. 87 сл.).

²⁹ Hugbaldus Einonensis X sec. De Vita Lebouini. MGH S. II, 361.— Capitula de partibus Saxoniae, 34.

³⁰ Панейций (II в. до н. э.), Полибий, Тит Ливий, Вергилий, Тацит превозносят провиденционную роль Рима — объединить в одно весь мир. Особенно восторженно из провинциалов выступили Элий Аристид, Дион Кассий. Рим — communis patria: Dig. 48, 22, 18; 27, 1, 6, 11; М. Pavan. Sul significato storico dell'Encomio di Roma de E. Aristide (La parole del Pascato), Riv. di Studi class. 1962, 17; J. Gaudemet. Op. cit. p. 375.

³¹ "Expositio totius mundi".— ВВ, 1956, т. 8, стр. 227—306; М. В. Левченко. Мате-

риалы для внутренней истории Восточной Римской Империи. V—VI вв.— Византийский сборник. М.—Л., 1945, стр. 13—17.

³² Диг. 48, 2, 10.

³³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, стр. 19—20.

³⁴ По исчислению E. Watson (The Pag of the Roman Army, Historia, VII, 1958, 113) в начале III в. н. э. жалование солдата определялось в 750 динариев, к которым присоединялись еще щедроты императора (J. Gaudemet. Op. cit. p. 509).

³⁵ На постройку стен обычно привлекались в IV—V вв. все классы населения по расчету податного обложения.—К. Феод. XI, 17, 4; о поставках стройматериала, копей.—К. Феод. XV, 1, 4, 9.

³⁶ Нов. Юст. 43. Предисл.

³⁷ Об упадке базировавшегося на античной форме собственности города см.: E. M. Штаерман. Эволюция античной формы собственности и античного города.—ВВ, 1973, т. 34, стр. 12.

³⁸ Нельзя преуменьшать размер разрушений, как это делал Фюстель да Куланж. Факты свидетельствуют о захвате имущества, уводе населения, голоде и каннибализме после нашествий: Hydatius Chronicon, 48; Paulus Orosius Historiarum adversus paganos libri VII; Philostorgius, XI, 8.

³⁹ Зосим, I, 34, 35, 37, 39, 43; V, 5, 6, 7, 15, 17, 18.

⁴⁰ Поселенные в Галлии и Норике леты при нашествии соплеменников ожесточенно сражались против них, не изменяя римлянам. Rigobert Günther. Laeti, foederati, gentilen in Zusammenhang mit der Laeticivilisation. Zeitschrift für Archäologie, 1971, № 5, 39—59.

⁴¹ M. Waas. Germanen in Römischen Dienst in IV Jahrhundert nach Ch. Bonn, 1965.

⁴² B. T. Сиротенко. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV—начале VI вв. Пермь, 1973, 159.

⁴³ «Но посмотрите теперь на галатов у Понта. Ведь они, проникнув по праву войны в Азию и все в районе Галиса подчинив себе, остались там... Но никто сейчас не назовет их варварами, но вполне римлянами... Такими же через небольшой срок времени увидим и скифов (т. е. готов, о которых шла речь.—М. С.)».—Фемистий, XVI, p. 257, 13—26.

⁴⁴ Самое подробное исследование о росте рабства в период варварских королевств см.: R. Doberd Nouvelle Clio, 14. Paris, 1971.

⁴⁵ Законы 12 таблиц (II, 2), Gaius, IV, 21 — “manum inicio”; Chilperichi Capitul., V, 7: “tradatur in manu”.

⁴⁶ Даже за невяку в королевский суд виновный наказывается обращением в рабство.—Сал. II p. 56, 1: ipse culpabilis et omnes res suas erunt; Баварская Правда, 7, 4; Алеман. Правда, I, 1; Вестгот. Эйриха, 300.

⁴⁷ Leges Visigoth. IX, 1, 5; IX, 1, 12; III, 2, 4, см.: А. Р. Корсунский. Готская Испания, стр. 153.

⁴⁸ Leges Visigoth. IX, 1, 21, Eg.

⁴⁹ А. И. Неусыхин. Возникновение зависимого крестьянства, стр. 370 и сл.

⁵⁰ Рипуарск. Правда, 16; Саксонская Правда, 20; Альманская Правда, 45; Баварская Правда, 9, 4; Сал. Правда, 39, 2, 3; Баварская Правда, 4, 30.

⁵¹ Общий упадок городов констатирован у Прокопия (О постройках). Города не могли сами восстанавливать водопроводы, исправлять мосты, а многие существовали в полуразрушенном виде (II, 6, 3, 10, 12; II, 8, 7, 11; II, 9, 1, 12).

⁵² Златоуст в своих демагогических речах более тревожился о состоянии нищих — свободных люмпенов. Освобождение рабов он не считает особой добродетелью — милостыня люмпену более угодна богу: «Ты освобождаешь рабов? Освободи Христа — нищего — от голода, нужды, темницы и наготы».—Иоанн Златоуст. Собр. соч., т. 12, ч. 1, стр. 674.

⁵³ J. Herrmann. Thesen zum V Historiker Kongres der DDR. ZfG, 1972, 10, 1231—1232.

⁵⁴ Вместо борьбы против рабства среди интеллигенции городских курий развивалась критика централизации — словно все слои общества до знатных включительно превратились в рабов в результате произвола в общественном строе. (Либаний. Речь о рабстве. XXV. Пер. С. Шестакова. Казань, 1916, ч. 11, стр. 399—417).

⁵⁵ Особенно Код. Юст. XI, 48, 19 и XI, 23, 2. Это было как бы юридическим оформлением феодальных отношений: свободный получал землю от землевладельца и за

то был обязан выполнять наследственно закрепленные обычаем повинности крепостного.

⁵⁶ См.: М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период.— АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972, стр. 11.

⁵⁷ По хронике Мария Авентинского епископа (умер в 594 г.) Клеф перебил массу владетельного населения (*Patr. lat.*, 72, 793—802), ср.: *Григ. Тур.* IV, 41; *Павел Дьякон*, II, 32.

⁵⁸ Павел Дьякон, II, 32; III, 16.

⁵⁹ А. Р. Корсунский. Готская Испания. М., 1969, стр. 34 сл.

⁶⁰ Я. Д. Серовайский. Изменение аграрного строя на территории Бургундии в V в.— СВ, т. 14, 1959, стр. 8 сл.

⁶¹ *Григорий Турский*, IV, 49, 50, 56. *Фредегарий*, 37, 38.

⁶² До II в. до н. э. в Италии еще преобладали мелкие и средние крестьянские хозяйства, отличавшиеся натуральным характером.— С. Л. Утченко. Древний Рим, стр. 9.

⁶³ К. Маркс на примере сравнения последствий падения крестьянства в Римской республике и явлений периода перехода к капитализму отмечает: «События, поразительно аналогичные между собой, но происходившие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным между собой результатам». (*К. Маркс и Ф. Энгельс*. Соч., т. 19, стр. 121).

⁶⁴ *Августин*. О граде божьем, IV, 22.

⁶⁵ «...Отложить прежний образ ветхого человека... а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека...» *Ефес.* 4, 22 сл.; «...наша брань... против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего». *Ефес.* 6, 12. «Кто во Христе — новая тварь; древнее прошло — все новое...» *Коринф.* II, 5, 19. «...Почти ровно 1600 лет тому назад в Римской империи тоже действовала опасная партия переворота. Она подрывала религию и все основы государства... Эта партия переворота, известная под именем христианства...» — *К. Маркс и Ф. Энгельс*, т. 22, стр. 547.

⁶⁶ *Матф.* 19, 5; *Марк.* 10, 7—8; *Ефес.* 5, 31; «оставит человек отца своего и мать свою и прилепится к жене...»

⁶⁷ *Н. Е. Feine*. Kirchliche Rechtsgeschichte. В. I. Die Katholische Kirche. Weimar. 1954, 135.

⁶⁸ А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного к раннефеодальному.— СВ, т. 31, 1966, стр. 45—48. Как переход от рабовладельческого к феодальному см.: М. Я. Сюзюмов. Проблемы иконоборчества в Византии.— «Уч. зап. Свердл. пед. ин-та», т. 4, 1948, стр. 48—69; *Его же*. Дофеодальный период.— АДСВ, вып. 8. Свердловск, 1972.

⁶⁹ Мы не можем прямолинейно считать налоги феодальной рентой за пользование землей.— М. Я. Сюзюмов. Суверенитет, налог и земельная рента в Византии.— АДСВ, вып. 9. Свердловск, 1973, стр. 57—65.

⁷⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 522.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 154.

⁷² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 207.

⁷³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 523.